

Крюкова О.С.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ (1839) М.П. ПОГОДИНА©

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, Москва, florin2002@yandex.ru*

Аннотация. В статье предпринят культурологический анализ дорожного дневника (1844) Михаила Петровича Погодина. В травелоге, состоящем из четырех частей, детально описываются этапы большого европейского путешествия его автора. Погодин обращает внимание на трудности самого путешествия, приводит детали своих туристических маршрутов. Особое внимание автор травелога уделяет встречам с зарубежными учеными и состоянию науки и просвещения в той или иной местности: одной из целей заграничного путешествия было установление и развитие научных контактов с национальными учеными. Погодина также интересуется так называемый славянский вопрос, состояние славистики в разных странах, а также наличие славянских древностей в публичных и университетских библиотеках. Дорожный дневник Погодина может рассматриваться и как великолепный беллетризированный путеводитель, и как литературный памятник, и как отражение богатого духовного мира автора.

Ключевые слова: Михаил Петрович Погодин; травелог; дорожный дневник; славянский вопрос; научная дипломатия.

Поступила: 28.08.2024

Принята к печати: 02.10.2024

Kryukova O.S.

European Journey (1839) by M.P. Pogodin®

*Lomonosov Moscow State University,
Russia, Moscow, florin2002@yandex.ru*

Abstract. The article undertakes a cultural analysis of Mikhail Petrovich Pogodin's travel diary (1844). The travelogue, consisting of four parts, gives a detailed account of the stages of the great European journey of its author. Pogodin focuses on the difficulties of the journey itself, provides a detailed description of his tourist routes. The author pays special attention to the meetings with foreign scientists and the state of science and education in a particular area: one of the goals of the foreign trip was to establish and develop scientific contacts with foreign scientists. He is particularly interested in the so-called Slavic question, the state of the Slavic studies in different countries, as well as the availability of the Slavic antiquities in public and university libraries. Pogodin's travel diary can be considered both as a magnificent fictionalized travel guide, as a literary monument, and as a reflection of the rich spiritual world of the author.

Keywords: Mikhail Petrovich Pogodin; travelogue; travel diary; Slavic question; scientific diplomacy.

Received: 28.08.2024

Accepted: 02.10.2024

Введение

Михаил Петрович Погодин (1800–1875) известен как историк, профессор Московского университета, беллетрист, автор повестей и трагедии «Марфа, посадница Новгородская», о которой одобрительно отозвался А.С. Пушкин [Погодин, 1984]; хозяин литературного салона, издатель, публицист, коллекционер [Умбрашко, 1999; Почивалова, 2010; Мазин, 2014]. «Сложность изучения творчества Погодина определялась разнообразием его дарований и многообразием его увлечений: он был прозаиком и драматургом, историком и публицистом, коллекционером и издателем, академиком и общественным деятелем. Быть может, эта разносторонность и стала помехой для полного раскрытия дарования в какой-либо одной сфере» [Павленко, 2003, с. 4]. В настоящей работе мы принимаем попытку исследования деятельности Погодина-путешественника. «Охота к перемене мест» была в числе жизненных

приоритетов этого выдающегося человека. Первое заграничное путешествие предполагалось в 1825 г., когда Совет Московского университета постановил отправить Погодина в «чужие края» для исследований по всеобщей истории, но эта поездка не состоялась. В 1835 г. Погодин с супругой совершили непродолжительную поездку в Германию и Австрию под предлогом лечения. Второе заграничное путешествие состоялось в 1839 г. Кроме того, Погодин много путешествовал и по России и так же оставил соответствующие путевые заметки [Погодин, 1859; Погодин, 1881].

Дорожный дневник М.П. Погодина

Дорожный дневник М.П. Погодина, озаглавленный «Год в чужих краях. (1839)» и опубликованный в 1844 г., состоит из четырех частей. Части разделены на главы, которые отражают этапы путешествия автора травелога. Так, первая часть включает следующие главы: «Дорога от Москвы до Петербурга», «Петербург», «Дорога из Петербурга до Варшавы», «Варшава», «Дорога до Бреславаля», «Бреславль», «Дорога от Бреславаля до Праги», «Прага», «Вена», «Дорога до Триеста», «Венеция», «Дорога от Венеции до Рима».

Путешествие М.П. Погодина началось 27 декабря 1838 г. Путь из Москвы в Петербург занял три дня, так что в столицу дилижанс прибыл 30 декабря, накануне Нового года. Попутчиком до Петербурга оказался известный беллетрист, автор светских повестей Н.Ф. Павлов. В столице М.П. Погодин пробыл около десяти дней, встретившись с известными писателями, в том числе с В.И. Одоевским, И.А. Крыловым, В.А. Жуковским, П.А. Вяземским, П.А. Плетневым. Состоялась встреча и с известным «архаистом», «ревнителем русского языка» адмиралом А.С. Шишковым, который удивил автора своей бодростью и живостью чувств в преклонном возрасте. Погодин упоминает о своем посещении оперного театра (давалась опера М.И. Глинки «Жизнь за царя») и Российской академии: «Я нарочно обошел всех наших ученых и осведомился об их занятиях, чтобы было чем похвалиться в чужих краях, и, признаюсь, узнал столько трудов готовых и подготовленных, что об них не стыдно будет завести речь» [Погодин, 1844, ч. 1, с. 22].

Дорога из Петербурга в Варшаву, где Погодин провел пять дней, сопровождалась трудностями зимнего путешествия. В Варшаве автор травелога нанес несколько визитов: филологу Линде, который занимался составлением сравнительного русско-польского

словаря, обращая «внимание на чешское и прочие славянские наречия» [Погодин, 1844, ч. 1, с. 49], полонисту Мацеевскому, который познакомил Погодина с литературоведом Бентковским, автором жизнеописания Коперника Крыжановским, статистиком Глебовичем. Состоялась также встреча с историком Павлищевым, женатым на сестре А.С. Пушкина. Рассуждая о языковой ситуации в Царстве Польском, Погодин высказывает весьма примечательное суждение о попытках официальной борьбы с тем или иным национальным языком: «Язык у народа уничтожить так же нельзя, как лишить его одного из пяти чувств, данных Богом; язык есть такой же природный, неотъемлемый орган, как и прочие, только драгоценнейший для человека, потому что тесно связан с его разумной душою» [там же, с. 60].

9 февраля путешественник прибыл в Бреславль (современный польский Вроцлав), где встретился с известным славянским ученым-медиком Пуркине (Пуркыней), чьи научные интересы не исчерпывались естественными науками. Пуркине, по свидетельству Погодина, подготовил перевод из Торквато Тассо, причем октавами, «вполне подобными итальянским» [там же, с. 84], но напечатать его не мог по причинам финансового характера. В Бреславле Погодин в сопровождении Пуркине посетил также астрономическую обсерваторию, выставку немецкой живописи в биржевых залах, университетские помещения и другие достопримечательности. Научные контакты Погодина позволили ему более глубоко и разносторонне познакомиться как с научной, так и общественной жизнью города.

В главе «Дорога от Бреславля до Праги» Погодин пускается в сравнительные рассуждения по поводу устройства почт в Силезии и России, а также положения школьных учителей. Беседа с гимназическим учителем из Глаца, спутником по дилижансу, побудила автора травелога сделать сравнение учительского быта не в пользу отечественного.

По дороге в Прагу Погодин вспоминает свое первое посещение этого города и знакомство со славистом П.Й. Шафариком. Во второй приезд в Прагу, о котором идет речь в травелоге, Погодин сразу же после устройства в гостинице отправился к Шафарику, который тотчас начал задавать ему вопросы о российских литературных и научных новинках: «Ну что песни Киреевского, что каталог Востокова! ... Ну что ваша карта славян, историческая, нынешняя?» [там же, с. 129].

Следующий день прошел в плодотворном общении Погодина с Шафариком, чьи научные интересы охватывали различные области славяноведения: «...угнетенных болгар любит он не менее могущественных русских; появление актов Археографической комиссии занимает его столько же, как и кирилловский букварь, напечатанный в Молдавии... Трудно вообразить такую любовь к народу и равное участие в судьбе всех разнообразных племен его» [Погодин, 1844, ч. 1, с. 130]. В свою очередь, Погодин рассказал Шафарiku о новом университетском уставе и других университетских новостях. В этот же день он посетил Национальный музей, а также осмотрел библиотеку Ганки, при этом его интересовали в большей степени успехи коллег-славистов, о которых поведал Шафарик, нежели музейные экспонаты. Вечером Погодин посетил заседание Общества чешских и других славянских литераторов, где были представлены почти все славянские этносы. Каждый из присутствующих говорил на своем славянском языке, и тем не менее другие его понимали, что вызвало искренний восторг Погодина.

В конце главы путешественник рассуждает о состоянии дел в Богемии и о преобладании в ней немецкого начала. Особенно его огорчает языковая ситуация и образовательная политика страны, где чешский язык основательно потеснен немецким.

Следующая глава травелога посвящена Вене, где Погодин с женой посетили галерею Эстергази, театральное представление (три комических пьесы). В описании известных достопримечательностей автор проявляет патриотические чувства, сравнивая, например, собор Св. Стефана с Успенским собором, причем сравнение не в пользу готического собора: «Какое сравнение с нашим Успенским собором, где тотчас почувствуешь, что становишься перед лице Божие!» [там же, с. 149]. В Вене произошла еще одна знаменательная для Погодина встреча – с сербским лексикографом Вуком Караджичем, который рассказал о своих пятилетних научных путешествиях, то есть фольклорных и лексикографических экспедициях и о научных разысканиях. Путешественник посетил также Политехническое училище, где его заинтересовало множество наглядных пособий. Погодин высказал мысль о необходимости академических контактов между подобными учебными заведениями, в числе которых назвал Технологический институт в Петербурге и Ремесленное училище в Москве. Мельком он сообщает о посещении других венских театров, Лихтенштейнской галереи и повторном посещении Бельведерской галереи. У читателя создается впечатление,

что достопримечательности автор травелога посещает как бы по обязанности, а вот встречи с учеными удостаиваются гораздо большего внимания.

Следующая глава, «Дорога до Триеста», посвящена в основном Адриатике и народам, ее населяющим. В Лайбахе, к сожалению автора, ему не удалось встретиться со славянскими учеными, поэтому глава носит «протокольный» характер.

В главе «Венеция», следуя обширной традиции [Кара-Мурза, 2001], Погодин пытается дать поэтическое определение Венеции, но сам признает, что его тропы слишком шаблонны: «А вот из глубины восстает и Венеция, любовница морей, как Венера из морской пены. Верно это сравнение сделано сто раз» [Погодин, 1844, ч. 1, с. 185–186]. В венецианской гостинице Погодин с удивлением обнаруживает скверный и дорогой кофе. В «кофейной» на площади Сан Марко кофе, по мнению путешественника, немного лучше, «но еще далек от хорошего» [там же, с. 196]. Местные «кушанья» также не понравились автору травелога.

Собор Сан Марко, в отличие от собора Св. Стефана в Вене, вызывает у Погодина теплые чувства, причем мерой совершенства снова оказывается московский Успенский собор: «Св. Марко, Св. Марко – как русскому не восхититься им? Это почти Успенский собор, собор Святой Софии, в том же роде, в том же духе» [там же, с. 189]. Осматривая достопримечательности Венеции, он пускается в рассуждения о ее величии и упадке: «Сильно Венеция тронула меня теперь; и правду сказать: на месте такого могущества, такой славы, такого богатства, гордости увидеть такую нищету, унижение... Еще если б пропало все, а то нет: здания великолепные стоят как прежде и составляют одно обширное кладбище с надгробными монументами...» [там же, с. 193].

Посещение музыкального театра в Венеции наводит Погодина на мысль об особенностях итальянского национального характера: «Пламенный характер итальянца виден весь в балете. Мы не имеем никакого понятия о том, что такое балет, не видав его в Италии» [там же, с. 195]. Побывав в различных художественных галереях Венеции, путешественник обращает внимание на неудовлетворительное состояние многих картин, нуждающихся в реставрации. Как и в других зарубежных локациях, Погодин проявляет интерес не к местным жителям, что было бы вполне естественно, а к славянам: «Зашел помолиться в греческую церковь. Полнехонька. Солдаты стоят в несколько рядов. Кто же это? Славяне, сербы гре-

ческого вероисповедания, которые служат в австрийском войске. Ну так бы и расцеловал их всех! Неописанное впечатление!» [Погодин, 1844, ч. 1, с. 210].

Главой «Дорога от Венеции до Рима» завершается первая часть травелога. Вторая часть дорожного дневника открывается обширной главой «Рим», которая публиковалась в журнале «Москвитянин» в 1842 г. как самостоятельное произведение – «Месяц в Риме». О пребывании М.П. Погодина в Риме уже довольно много написано [Кара-Мурза, 2001, с. 159–174; Крюкова, 2007, с. 86–112], поэтому ограничимся лишь упоминанием о его римских визитах и прочих контактах.

В Риме Погодин встретил знакомых («художника С., который приехал сюда на год, и живет тринадцатый, не видав, как пролетело время» [Погодин, 1844, ч. 2, с. 19]). Из приличия Погодин нанес также несколько официальных визитов, в частности, московскому градоначальнику князю Д.В. Голицыну, с которым вел беседу «о Риме, о духовном единстве, о политических единствах, о гордости папы, который хотя и христианин, а все-таки древний римлянин» [там же]. В Риме он встретился также с княгиней В. (очевидно, Зинаидой Волконской) и посетил ее виллу, где познакомился с графом Виельгорским, который удивил автора травелога простотой обращения, неожиданной, по его мнению, в высшем обществе. Для занятий итальянским языком Погодин по рекомендации взял итальянского учителя, с которым занимался по два часа ежедневно и беседовал также об увиденных древностях. Он нанес визит и Кадесу, «славному знатоку гемм и камеев» [там же, с. 78], что вызвало размышления о малоизвестности трудов итальянских ученых вне Италии. Погодин встретился также с отцом Марки, известным нумизматом. Далее он сообщает о посещении Ватиканской библиотеки и о визите в сопровождении Гоголя к художнику А.А. Иванову, работавшему в то время над картиной «Явление Мессии». В Риме Погодин посещает и других деятелей искусства: российских художников Бруни, Скотти, Рихтера, Ефимова, Пименова и т.д., датского скульптора Торвальдсена, английских скульпторов Джибсона и Вайта, немецкого живописца Овербека, отдавая предпочтение визитам к соотечественникам: «Почитаю обязанностью обойти русских художников, показать свое участие, порадоваться их успехам, засвидетельствовать свое почтение» [там же, с. 128]. В Риме он посетил также кардинала Меццофанти, известного полиглота, о встречах с которым сообщали и другие русские путешественники.

Современный Рим удивил автора травелога отсутствием заботы городских служб о чистоте, невероятной грязью на улицах и около достопримечательностей и обычаем выливать помои прямо из окна на улицу, в чем был замечен даже Гоголь.

Из Рима Погодин отправился в Неаполь, где ограничился осмотром достопримечательностей города и его окрестностей, не нанося никому визитов. В Неаполе его, как и других путешественников, поразил феномен лазарони, которые вызвали у него сомнения в том, что это «граждане благоустроенного государства» [Погодин, 1844, ч. 2, с. 165–166].

Путь из Неаполя в Марсель был морским, путешественник по дороге осмотрел также Геную и Ливорно. Марсель произвел на Погодина невыгодное впечатление за исключением населяющих его жителей: «А народ уже другой, вежливый, учтивый, любезный, даже чересчур» [там же, с. 195]. Портовый город с его грязью, кучами мусора и неблагоустроенностью и безлюдные окрестности не понравились путешественнику: «Страна пустая, дикая, обгорелая, хоть и возделанная. И это южная Франция! Или мы едем по самой дурной ее части?» [там же, с. 201].

Часть 3 включает две обширных главы, посвященных Парижу и Лондону. Париж, в котором путешественники оказались 2 мая, поразил своим многолюдьем. Парижские кофейни, не в пример римским, произвели на автора травелога благоприятное впечатление.

Если Рим завораживает древностью, то Париж, по мнению Погодина, новизной и политическими новостями. Помимо наиболее известных парижских достопримечательностей и театров Погодин посетил Палату депутатов и Сорбонну, присутствовал на торжественном собрании факультета нравственно-политических наук, где Минье, автор истории Французской революции, произнес похвальное слово Талейрану. От политических хитросплетений автор перенесся мыслями в отечество, которому пожелал столь же плодотворных собраний [Погодин, 1844, ч. 3, с. 57]. Несмотря на свои консервативные политические взгляды, автор травелога не прочь своими глазами взглянуть хоть на «какую-нибудь» «революцийку» [там же, с. 25]. Можно сказать, что это желание почти исполнилось, так как Погодин застал в Париже уличные беспорядки по случаю смены кабинета министров, что несколько нарушило его планы. Он встретился также с историком Фориелем и философом Дамироном, которые не произвели на него особого впечатления. Автор травелога заметил, что «все здешние профессора читают

обыкновенно по два раза в неделю и больше ничего не делают» [Погодин, 1844, ч. 3, с. 74]. Успеху их университетских лекций способствует, помимо небольшой учебной нагрузки, присущее французам красноречие. Однако по содержанию лекции в Московском университете, по мнению Погодина, гораздо фундаментальнее: «В Московском университете, подумал я с удовольствием, верно читаются теперь лекции подельнее этих пресловутых французских, но у нас нет *Journal des débats*, который бы разглашал их стоуостою своей трубою» [там же, с. 75]. Академический успех французских профессоров, считает Погодин, заключался в распиаренности их лекций, говоря современным языком. Возможно, автор травелога в этом случае не совсем объективен, поскольку сам не обладал выдающимся лекторским дарованием, по свидетельствам современников. Из профессоров, чьи лекции довелось услышать Погодину в Сорбонне, наибольшее впечатление на него произвел Россей Сент-Илер с лекцией об Испании, однако и его, умалившего значение Ветхого Завета, Погодин уличил, на этот раз – в богохульстве для красивой фразы и в подрыве государственности («Чему же удивляться, что в Париже так часто строятся баррикады?») [там же, с. 77]). Погодина удивило также присутствие в качестве слушателей в университете большого количества довольно пожилых людей и простолоудинов.

В Париже Погодин нанес визит французскому ученому-синологу Станисласу Жюльену, показавшему ему библиотеку китайских книг. Погодин заметил в беседе с французом, что в Париже есть Институт восточных языков, но нет ни одного профессора-слависта. Автор травелога посетил также статистика Шницлера и историка Гизо, который подробно расспрашивал московского гостя об университетских делах и положении ученых в России. «Я видел в его вопросах уже не историка, не литератора, а министра, который хочет узнать, в каком положении его часть находится в другом государстве, с целью воспользоваться при случае ее учреждением, если бы что оказалось полезное для него» [там же, с. 105]. В своих ответах Погодин обратил внимание на лучшее обеспечение семей ученых в России по сравнению с Францией. Он несколько раз побывал в Публичной библиотеке, в том числе с целью изучения славянских рукописей в Париже. К своему большому удивлению, он обнаружил среди рукописей русскую грамматику 1724 г., сочиненную французом Согье, причем «задолго до Ломоносова» [там же, с. 111].

Погодин сожалел о том, что ни его знакомому, ни ему самому не удалось достать билет на заседание Французской академии. Однако автор травелога отчасти был вознагражден знакомством с филологом и переводчиком Ектофом, который перевел оду Державина «Бог», и посещением Академии естественных наук. В Париже Погодин встретился также с польским поэтом Адамом Мицкевичем, с которым беседовал о славянских древностях: «Рассуждали о славянских памятниках, т.е. остатках языка, гражданственности, учености, которые отыскиваются теперь из-под немецких имен и усилиями славянских ученых возвращаются миру» [Погодин, 1844, ч. 3, с. 130–131]. По словам Погодина, Мицкевич был намерен направиться в Лозанну, где его пригласили занять кафедру латинского языка.

Погодин посетил также юридические учреждения, в том числе суд, заседание Палаты пэров, Школу изящных искусств, а также Ботанический сад с большой естественно-научной коллекцией. В галерее новых французских художников его удивил выбор «отталкивающих» сюжетов для современных картин. В подобной широте интересов путешественника угадывается намерение детально изучить парижскую жизнь и общественное устройство Франции.

В Лондон, который Погодин характеризует как «всемирный базар» [там же, с. 177], путешественники прибыли 13 июня. Днем Погодины нанесли визит князю Голицыну, московскому градоначальнику, с которым недавно встречались в Риме. Вечером первого дня в Лондоне Погодин с женой посетил театр Ковент-Гарден, где давали Шекспира: «Ничего роскошнее, полнее, живее, богаче этого спектакля вообразить нельзя» [там же, с. 180]. В связи с плохим владением путешественниками английским языком для посещения лондонских достопримечательностей был нанят лонлакей, который должен был выполнять функции экскурсовода в течение пяти дней. В первый день они посетили Вестминстерское аббатство, Британский музей, Национальную галерею и Сент-Джемский парк. Британский музей был охарактеризован Погодиным как «богатеишее собрание сокровищ науки, искусства и природы, помещенное, впрочем, в здании самом невзрачном» [там же, с. 185]. После посещения Национальной галереи автор травелога отметил, что англичане достигли наибольших успехов в портретной живописи. Вернувшись домой к обеду, Погодины получили записку от князя Голицына, который сообщал о возможности посетить Нижний парламент по его рекомендации. Речи ораторов давали представ-

ление об общем ходе заседания, тем не менее Погодину был интересен сам парламентский процесс. Попутно он сделал несколько лингвистических замечаний: «Образ произношения у англичан совершенно другой. Чувствуешь, что здесь хозяйствует рассудок и заботится только о пользе. Ударения, движения иные. Англичане как будто не говорят, а считают и подводят итоги» [Погодин, 1844, ч. 3, с. 188].

Заканчивая рассказ о достопримечательностях Лондона и его окрестностей, Погодин делает некое обобщение о своеобразии Англии и англичан: «Любопытна Англия! Как здесь все твердо, прочно, самобытно! Нельзя не отдать чести англичанам, хоть бы кто и не любил их! Жаль, что я мог взглянуть на них одну минуту. Французы – юноши в сравнении с этими зрелыми мужами, которые знают, чего хотят и куда идут. Но не такого состояния желаю я моему отечеству!» [там же, с. 215].

Четвертая часть дорожного дневника включает следующие главы: «Бельгия и Голландия», «Мариенбад», «Мюнхен», «Швейцария», «Милан», «Флоренция», «Возвратный путь». Погодин отмечает посещение университета в Лейдене. Из Бонна им было написано письмо министру народного просвещения, включающее в том числе сведения о немецких историках и других ученых. Немецкие соборы, по словам автора травелога, в его воображении слились в один. Несколько устав от продолжительных странствий, Погодин допускает ряд иронических замечаний, например: «Ходя по швейцарским горам и пустыням, начинаешь дорожить человеческим обществом» [Погодин, 1844, ч. 4, с. 151]. В том же духе и заключительное наблюдение автора травелога: «Во Франции жить можно всего веселее, в Англии свободнее, в Италии приятнее и дешевле, в Германии спокойнее; вообще же в гостях хорошо, а дома лучше» [там же, с. 230].

Заключение

«Дорожный дневник» Погодина написан обстоятельно, в духе подобных сочинений своего времени. Автор, как и другие русские путешественники, обращает внимание на трудности самого путешествия: неудобства, холод и сырость в гостиничных номерах, дороговизну, плохое качество продуктов и дорожных услуг, жадность отельеров, отсутствие информации для путешественников в порту, на таможне, проблемы с паспортами и визами. Погодин

приводит детальные подробности своих туристических маршрутов, имея заранее продуманный план того или иного дня. Нередко он делится секретами скорости передвижения, которую обеспечивают, к примеру, парижские omnibusy. Попутно он сетует на особое течение времени в путешествии, которое имеет свойство улетучиваться подобно деньгам.

Особое внимание автор травелога уделяет встречам с зарубежными учеными и состоянию науки и просвещения в той или иной местности: одной из целей заграничного путешествия Погодина было установление и развитие научных контактов с национальными учеными – то, что сейчас называется «научной дипломатией».

Погодин также неоднократно высказывается по поводу языковой ситуации в разных странах. Особенно его интересует так называемый славянский вопрос, состояние славистики в разных странах, а также наличие славянских древностей в публичных и университетских библиотеках. По возвращении из путешествия по Европе в 1839 г. Погодин пишет письмо министру народного просвещения с оценкой состояния славян в Европе и с предложениями научного плана, в том числе о сочинении сравнительной грамматики славянских наречий, частных грамматик, общего словаря славянских наречий, а также о составлении словарей тех славянских языков и диалектов, которые не имеют развитой лексикографии [Погодин, 2010]. Однако все эти действительно дельные предложения были только приняты к сведению, но не реализованы [см.: Зигангирова, 2018].

Дорожный дневник Погодина может рассматриваться и как великолепный беллетризированный путеводитель, и как литературный памятник, и как отражение богатого духовного мира автора. Все эти стороны погодинского травелога вызывают неподдельный интерес и у современного читателя.

Список литературы

- Зигангирова Е.З. М.П. Погодин и В. Ганка в контексте становления русско-чешских отношений // Человеческий капитал. – 2018. – № 5 (113). – С. 40–47. – DOI: 10.25629/HC.2018.05.04
- Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Венеции. – Москва : Независимая газета, 2001. – 384 с.
- Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Риме. – Москва : Независимая газета, 2001. – 472 с.

- Крюкова О.С. Архетипический образ Италии в русской литературе XIX в. – Москва : КДУ, 2007. – 216 с.
- Мазин К.А. М.П. Погодин: человек, историк, публицист, коллекционер, турист // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2014. – Т. 8. – № 3. – С. 5–12. – DOI: 10.12737/5594
- Павленко Н.И. Михаил Погодин. – Москва : Памятники ист. мысли, 2003. – 359 с.
- Погодин М.П. Год в чужих краях (1839): дорожный дневник: [в 4-х частях]. – Москва : Univ. тип., 1844. – Ч. 1. – 226 с.; Ч. 2. – 210 с.; Ч. 3. – 225 с.; Ч. 4. – 232 с.
- Погодин М.П. Прогулка в Новгород М.П. Погодина. – Санкт-Петербург : Тип. К. Вульфа, 1859. – 29 с.
- Погодин М.П. Псков (Из дорожных заметок). – Псков : Тип. Псков. губ. правл., 1881. – 19 с.
- Погодин М.П. Повести. Драма / сост., вступ. ст. и примеч. М.Н. Виролайнен. – Москва : Сов. Россия, 1984. – 432 с.
- Погодин М.П. Письмо к Министру народного просвещения, по возвращению из путешествия по Европе в 1839 году // Погодин М.П. Избранные труды. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 188–210.
- Почивалова А.В. Историческая концепция М.П. Погодина и борьба течений в русской историографии середины XIX века // Актуальные проблемы исторической науки: всероссийский сборник научных трудов молодых ученых / под общей ред. О.В. Ягова. – Вып. 4. – Пенза : ГУМНИЦ, 2007 – С. 223–227.
- Умбрашко К.Б. М.П. Погодин: человек, историк, публицист. – Москва : Рос. акад. наук. Ин-трос. истории, 1999. – 292 с.

References

- Zigangirova, E.Z. (2018). M.P. Pogodin i V. Ganka v kontekste stanovleniya rusско-cheshskih otnoshenij [M.P. Pogodin and V. Hanka in the context of the formation of Russian-Czech relations]. *Chelovecheskij capital*, 5(113), 40–47. DOI: 10.25629/HC.2018.05.04
- Kara-Murza, A.A. (2001). *Znamenitye russkie o Venetsii* [Famous Russians about Venice]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
- Kara-Murza, A.A. (2001). *Znamenitye russkie o Rime* [Famous Russians about Rome]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
- Kryukova, O.S. (2007). *Arhetipicheskij obraz Italii v russkoj literature XIX v.* [Archetypal image of Italy in Russian literature of the XIXth century]. Moscow: KDU.
- Mazin, K.A. (2014). M.P. Pogodin: chelovek, istorik, publitsist, kollektsioner, turist [M.P. Pogodin: man, historian, publicist, collector, tourist]. *Sovremennye problemy servisa i turizma*. V. 8, 3, 5–12. DOI: 10.12737/5594
- Pavlenko, N.I. (2003). *Mihail Pogodin* [Mikhail Pogodin]. Moscow: Pamyatniki ist. mysli.
- Pogodin, M.P. (1844). *God v chuzhikh krayah (1839): dorozhnyj dnevnik: [v 4-h chastyah]* [A year in foreign lands (1839): travel diary: [in 4 parts]. Ch. 1, Ch. 2; Ch. 3; Ch. 4. Moscow: Univ. tip.
- Pogodin. M.P. (1859). *Progulka v Novgorod M.P. Pogodina* [M.P. Pogodin's Walk to Novgorod]. Saint Petersburg.: Tip. K. Vul'fa,
- Pogodin, M.P. (1881). *Pskov (Iz dorozhnyh zametok)* [Pskov (From travel notes)]. Pskov: Tip. Pskov. gub. pravl.

- Pogodin, M.P. (1984). *Povesti. Drama*, sost., vstup. st. i primech. M.N. Virolajnen. [Stories. Drama, comp., introduction article and notes by M.N. Virolainen]. Moscow: Sov. Rossiya.
- Pogodin, M.P. (2010). Pis'mo k Ministru narodnogo prosveshcheniya, po vozvrashcheniyu iz puteshestviya po Evrope v 1839 godu [A Letter to the Minister of Public Education upon Returning from a Trip to Europe in 1839]. In Pogodin M.P. *Izbrannye trudy* [Selected works], pp. 188–210. Moscow: Rossijskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
- Pochivalova, A.V. (2007). Istoricheskaya kontseptsiya M.P. Pogodina i bor'ba techenij v russkoj istoriografii serediny XIX veka [The historical concept of M.P. Pogodin and the struggle of currents in Russian historiography of the mid-19th century]. In *Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki: vserossijskij sbornik nauchnyh trudov molodyh uchenyh / pod obshchej red. O.V. Yagova* [Actual problems of historical science: The All-Russian collection of scientific works of young scientists / under the general editorship of O.V. Yagov]. Issue 4, pp. 223–227. Penza: GUMNIC.
- Umbrashko, K. B. (1999). *M.P. Pogodin: chelovek, istorik, publitsist* [M.P. Pogodin: Man. Historian. Publicist]. Moscow: Rus. acad. of sciences. Institute of Russian history.

Об авторе

Крюкова Ольга Сергеевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой словесных искусств факультета искусств МГУ имени М.В. Ломоносова. Россия, Москва, florin2002@yandex.ru

About the author

Kryukova Olga Sergeevna – DSc in Philology, Head of the Department of Verbal Arts at the Faculty of Arts of the Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow, florin2002@yandex.ru